

Борис Споров

КАК НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ ЛЮДЯМ ПОМОГАЕТ

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2019

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-828-35-42

Художник *Е. Попкова*

Зимой и летом Дунюшка горбатенькая по деревне так и сновала, где нужда приглядеть за детьми – тут и она. И редкий день не шла она никому помогать. Лет уже сорок служила Дунюшка людям, и в деревне её не только любили, но и считали своей. Знамо дело, не без греха: случалось, какой-нибудь из ребят и крикнет ей вслед: «Дунюшка-горбушка, где твоя кружка!» Крикнуть-то крикнет, но вмиг и спрячется – знает, что дома за такую проказу могут и наказать... Какая кружка? Да любила Дунюшка чаёк пить только из своей кружки. Красивая кружечка, фарфоровая, кузнецовская¹, с голубенькими незабудками по бокам. Кружечку эту она с собой из дома в дом и носила. Придёт, прежде всего помолится на иконы, чайку попьёт и тогда уже весь день хозяйничает: кормит, поит, одевает, обувает; малых убаюкивает, а тем, кои постарше, выдумку или былицу расскажет – они и довольны.

В деревне знали Дунюшкины былицы. Знали, но при случае всё равно слушали: очень уж она вдохновенно и душевно рассказывала. А малые нередко ходили следом и канючили: «Дунь, Дунюшка, про Старичка доброго расскажи быличку...» И она рассказывала.

Споров Б. Ф.
С733 Как Николай Чудотворец людям помогает. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2019. – 96 с.: ил.

В этой книге известного писателя Б. Ф. Спорова Святитель Николай Чудотворец предстаёт перед читателями добрым Старичком, который всем является «по-разному и одет бывает по-разному, чтобы его не узнавали», и помогает тем, кто с верой просит о помощи. Рассказы о Святителе Николае учат доброму отношению к людям, милосердию, покаянию, но самое главное – они учат нас искренней вере в Господа и показывают, что чудо рядом, нужно только поверить...

Книга предназначена для детского и семейного чтения.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2019
© Споров Б., текст, 2019
© Попкова Е., иллюстрации, 2019

Рождество

Давным-давно это было. Вас тогда ещё и ангелы на свет не принесли, ещё и дедушка Иван Морозов пешком под стол ходил. А дедушке-то Ивану, ого! Утречком ноне сто лет сбилось. Вот как давно! С тех пор быличка и живёт.

...В деревне той люди жили ни хорошо, ни плохо, так – ничего. Хотя думали они, что живут очень хорошо. Отцы да матери много работали, а по воскресным дням и праздникам ходили в соседнее село к обедне в Никольскую церковь. И дети тянулись к Божиему солнышку – ладно и складно.

С одной стороны деревни луга заливные и речка Дымка, как у нас и есть, а с другой – за полем по одну сторону просёлка рощица берёзовая, а по другую ещё за версту – лес чёрный. Минешь чёрный лес – потекут навстречу поля перекатные. А там и дорога прямёхонько на Ростов Великий. Летом дети рыбу в Дымке удили, к берёзовой роще на бугры по землянику бегали, а за грибками – в боровой² лес, со старшими.

На краю деревни и жила семья Петровых – дружная, ладная семья: у Николая и Марии дочке старшей, Нине, исполнялось десять годков, а ещё четыре брата – Серёжа, Петя, Ваня и младший, Николушка, ему пять. Сестра и коноводила братьями. Хорошо жили. Да только ворон чёрный над Русью кружил и злобно каркал –

ревновал, что люди мирно живут. И загремела война, лютая и долгая. Всех молодых мужей на войну идти обязали. И Николая Петрова – тоже. Осталась Маруся одна с детьми. Стали они каждый день папаньку своего ждать. Да вот беда: под падучей звездой, знать, родился тятенька. И месяца не прошло – погиб Николай Петров. Вся семья оплакивала его: мать плакала, глядя на детей, – сиротиночки; а дети плакали, глядя на мать: «Маменька, родненькая...» Дети-то поплачут, да и уснут, а мать наплачется – ночь и не спит: думы-думушки одна другой горше. И плакала Маруся не день, не два, плакала полгода: изнемогла, хвороба пристала. Истончилась вся, иссохла. Печь протопить, еду приготовить нет сил. Дочка Нина и справлялась по дому, да еще старушка-шабёрка³ пособить приходила... Долго ли, коротко ли, начали дети плакать уже от голода и неухоженности. Вот тогда-то они и удумали пойти искать Рождество.

Маменька, расслабленная, лежала в горенке⁴. А Нина с братьями заберутся на печь, чтобы угреться, и сестра рассказывает им такое, о чём и сама Бог весть от кого узнала. Так однажды и говорит:

– Ежели мы не пособим, маменька помрёт. Мы останемся одни – и тоже помрём... Давайте не реветь, а кто будет реветь, тому по затылку. Вот... Скоро придёт Рождество. Все уже ждут. – И дальше Нина перешла на шёпот: – Говорят, кто первый Рождество встретит, того все желания исполнятся...

А младший братец, Николушка, и спрашивает:

– А Рождество – это тётя или дядя?

– Рождество – не тётя и не дядя, кому как... Загадаем желанья и пойдём встречать Рождество. А идти далеко-о-о придётся! Рождество приходит по дороге из Ростова... Надо сапоги высушить в печке, чтобы ноги не застыли, пуговицы к пальтишкам пришить. У кого шарфика нет, можно платком или рушником укутать горло. Всем одёжку и приготовить. Николушку я соберу. И дровешки⁵ возьмём, если кто утомится...

И задумывали они только, чтобы мама избавилась от хвори и папанька бы с войны пришёл. Чинили одежку и даже запятники к валенкам пришивали, чтобы снег не попадал. Да так это все вознамерились идти, что задёргали сестру: когда да когда пойдём?

И наконец – Сочельник! После полудня обутые, одетые братья пробрались гуськом в двери. Нина сказала маме:

– Мы погулять, – и вышла следом.

Во дворе она взяла приготовленные загодя дровешки с подстилкой и вышла на улицу. Мороз был не сильный, но за щёки поцапывал. Николушке до глаз подняли шерстяной платок. И сказала сестрица братьям:

– Все перекреститесь и скажите вслух: «Рождество, помощи». – И никто из братьев не послушался. – А теперь пошли через проулок.

Нина с Николушкой впереди, трое братьев следом... А на повороте в проулок возле своей избы стоял Захар Чернов, мужик едкий и притворный. Он шибко умел притворяться – и ему верили. Один глаз у него мог смеяться, а другой тогда же – плакать. Он притворился – и его на войну не взяли, и теперь он ходил по

деревне живой. Ходил Захар и по вдовам, притворялся перед ними. Он и к Марусе Петровой приходил и сказал ей:

– Туда собралась, что ли?.. Дак подпиши мне избу, я и о детях позабочусь.

И она согласилась:

– Ладно, подпишу...

Захар стоял возле угла своей избы, смотрел на отряд Петровых, щурил глаза и кривил губы. Когда подошли, Захар притворился и спросил:

– Куда же это вы, сиротки, снарядились?

Нина поверила ему и сказала:

– Встречать Рождество, – и указала рукой в сторону леса.

– А-а-а, – пропел Захар, – ступайте... Только ведь далеко, сапоги изорвутся.

– У нас сапоги крепкие, и мы сильные, – сказал старший из братьев, и Нина подтвердила: сильные.

– Ну так валяйте, и дорога вам пухом...

Гуськом и потекли они в проулок. Когда миновали ржаное поле, несколько раз вразнобой пропели:

– Рождество, Христе Боже наш...

И всем стало радостно, и они потопали быстрее. Не то ведь опоздать можно – кто-то и опередит... Но когда вышли к роще, заплакал Николушка – устал. Нина посадила его на дровешки и прикрыла ему ноги соломкой. Поехали.

Увидел ветерок, что идти трудно, подул пошибче в спину, подхватил снежку с обочины и тоже в спину бросил, чтобы не оглядывались... Увидел морозец, что

взопрели на ходу, – и приободрил: цапнул за щёки... Солнышко поиграло, ослепило да в тучки и унырнуло.

Захныкал Николушка – нога в сапоге озябла. Подняли его с дровешек: ногами, ногами потопай-попрыгай, согревайся. А дорога-то мимо леса борового в поле перекатное ведёт: далеко видно – и никого нет впереди. И только играет, вьётся позёмка.

– Рождество, Христе наш! – попыталась пропеть Нина, но братья не поддержали. Уже и деревня скрылась за буграми, и роща поотсталала, и по снегу поплыли серые сумерки, а они всё шли.

Заплакал семилетний Серёжа. Его обступили, и Нина спросила:

– Ты что хнычешь?

– Боюсь, – сказал Серёжа. – Домой хочу. – И ещё горше заплакал.

– Не плачь, мы встречаем Рождество, чтобы мама не померла и папанька с войны вернулся.

И пошли дальше по перекатному полю.

Брат Петя захныкал – устал. И тогда сказал старший из братьев, Ваня:

– Давайте сядем на дровешки и отдохнём.

И все согласились: торопливо уселись на грядки дровешек спиной к спине – ноги поджали. Но между спинами лазейка – туда и просвистывал ветер. И уже скоро спины заледенели.

– Нет, – сказала Нина, – надо идти, а то мы прозябнем.

Но когда поднялись, в ногах не было сил, чтобы идти дальше. Они стояли возле дровешек и не знали,

что же им делать. Всем стало страшно, потому как и в деревню не хватит сил дотопать. Они начали слёзно и разногласно звать:

– Рождество, Христе... Рождество, помоги!..

И когда уже не было сил звать, они увидели, что в поле что-то поблескивает. Николушка плакал. Прижались они друг к другу и молча дрожали от страха и холода. Скоро стало видно: идёт человек с ношей за плечами.

– Это Рождество, – тихо сказала Нина и осипшим голосом закричала: – Рождество, помоги нам!

И человек с ношей за плечами издали помахал рукой.

А Николушка лёг на дровешки – его клонило в сон, и он хныкал.

Уже видно было, что идёт Старичок с белыми бородой и усами, в большой шапке, в широкой нагольной⁶ шубе, из-под которой при каждом шаге выныривают круглые катанки⁷. Он часто дышал, выпуская большие клубы тёплого воздуха, видать, спешил.

– Христос рождается, Николины детки... Встань, Николушка, на ноги, встань, что я тебе покажу! – воскликнул Старичок.

Все молчали, и только Нина тихо спросила:

– А ты – Рождество?

– Значит, вы теперь – с Рождеством! – весело ответил Старичок и снял со спины ношу – большой, полный под завязку мешок. Он запустил в глубокий карман руку и достал конфету в обёртке. – А это Николушке!

Но Николушка смотрел на Старичка стеклянными глазами и никак не отзывался. И тогда Старичок ладонями отёр ему лицо. Николушка улыбнулся и взял конфету. И всем по очереди Старичок отёр лица ладонями, всех обдал своим теплом – стало весело.

Старичок развязал мешок и со словами:

– А это опять Николушке, – достал из мешка большой нарядный пакет с подарками. Николушка так и обхватил руками этот пакет. А Старичок уже доставал – для Серёжи... для Пети... для Вани, и, наконец, красивый голубой пакет для Нины. – А ты, дочушка, что загадала к Рождеству? Не этот ли пакет?

Нина покачала головой, потупилась и тихо сказала:

– Нет, Рождество... я, чтобы... наш папанька на войне... а мама лежит хвора.

– Беда-то ведь какая! – Старичок охнул, да так и всплеснул руками. – Но и маме вашей есть у меня подарок для здоровья! – и достал из мешка маленький пакет, с рукавицу, не боле. – Вот это хворой маме – хоро-о-ший подарок! И чтобы завтра утречком все в церковь – и мама тоже!

Смотрели дети Петровы на Старичка, и у всех в глазах радость.

– А теперь – все в дровни! – весело приказал Старичок. – Вон и звезда зажглась – спешить надо! Да крепче держитесь!..

Угнездились они на дровешках плотненько. Старичок вскинул на спину мешок, а мешок его стал ещё больше, подхватил поводья от дровешек – и покатались саночки, да так, что ветер заохал; от ветра и позёмки

все зажмурились... А когда через минуту открыли глаза, дровешки стояли возле дома и Старичка рядом не было. Можно было подумать, что его и вовсе не было, но ведь у всех в руках пакеты с подарками.

Братья радостно шли по хрустящему снегу и смеялись, забыв, что давно уже голодные и устали. А сестра сказала:

– А теперь все вместе: «Рождество, Христе Боже наш, – спасибо!»

Пропели и поспешили в избу. А там горько плакала мама – пропали дети! – так горько, что и соседка-старушка не могла её утешить. И когда радостные дети вошли один за другим в избу, мама лежащая тихо вскрикнула:

– Да где же вы были, родненькие?!
– Рождество встречали!
– Первые! – петушком оповестил Николушка. –
Во! – и выше поднял пакет с подарками.

Зашумели, загалдели, начали заглядывать друг другу в пакеты и обступили плачущую маму.

– Да вы хоть толком скажите...

И Нина сказала:

– Добрый Старичок – Рождество! Он и тебе подарок прислал, только маленький. И велел завтра всем в церковь – и тебе тоже. – Она не решалась передать маме маленький пакет, хотела отдать свой, большой, но страшилась послушаться Старичка. Нина опустила глаза и повторила: – А тебе, мама, маленький подарок... но мы поделимся!

Мать взяла бледными расслабленными руками пакет, раскрыла его, достала большую просфору – и ахнула:

– Господи, где же вы взяли Богородичную просфору?! Да большая – никогда такой и не видывала, – прошептала она и со слезами радости начала целовать просфору. – Где же вы Рождество встретили?

– А на просёлке, за боровым лесом, – радостно ответила Нина.

У матери и язык отнялся – это ведь за семью верстами!

А рано утром, когда дети ещё спали, мама Маруся поднялась с постели, со слезами помолилась перед

иконами, съела половину большой просфоры и впервые за время болезни сама взялась хозяйничать... Уже и печь протопилась, и в избе стало совсем тепло, и окна из чёрных стали серыми, когда вдруг в окно резко кто-то постучал. Мария отвела рукой занавеску – за окном мужчина в полушубке, а за ним пара лошадей с розвальнями⁸.

– В церковь, к Николе, повезу! – крикнул с улицы возница. Мария руками развела – не собраны.

– Время терпит, собирайтесь! – и возница весело засмеялся. – С Рождеством!

И тотчас дети проснулись: скоренько к умывальнику, живее одеваться – а ну как добрый Старичок на лошади! А тут и маменька на ногах, и она с ними! И запели:

– Рождество Твое, Христе Боже наш!..

И не до еды – какая еда! Быстро снарядились – и на улицу... Возница усадил всех в розвальни, укрыл тулупом и взялся за вожжи:

– А ну, залётные!..

Скрипнули розвальни – и запели полозья дорожную песню. Экая радость!

Когда же проезжали мимо проулка, все увидели Захара: левая щека его была завязана чёрным платком... После святок он снял повязку, и удивились люди: на щеке у него запечатлелась огненно-коричневая ладонь. И в деревне такой приговор вынесли: Бог шельму метит... Да и то верно: всякого вора и разбойника Господь каким-нибудь знаком метит, чтобы люди знали, с кем дело имеют: меченый...

Ранняя служба ещё не началась, когда кони, вздрагивая разгорячёнными боками, остановились возле церкви. И никто не знал, чьи это кони и чей при них возница. Выбрались из-под тулупа дети и вдова убиенного Николая Петрова. Поклонились они вознице с благодарностью и пошли в храм. На дворе мороз кусачий, а в храме тепло. Пока безлюдно – иди к любой иконе. Много свечей уже горело в подсвечниках – колышется от сквозняков пламя, потрескивают свечи. Сияют начищенные к празднику оклады и ризы на иконах, и сами иконы точно изнутри светятся. Но краше других храмовая икона Святителя Николая Чудотворца... И почудилось братьям и сестре, что перед этой иконой добрый Старичок появился. Он даже повернулся к ним, моргнул, улыбнулся – и спрятался за икону... И дети невольно пошли к иконе, и чем ближе они подходили, тем яснее видели, что с иконы на них смотрит добрый Старичок-Рождество.

– Мама, маменька! – в страхе прошептала Нина. – Вот он – Рождество, вот он! – и от восторга заплакала. А Маруся тихо ответила:

– Это не Рождество, это Святитель Николай, небесный покровитель нашей церкви... Папанькин и Николушкин святой. Деточки, помолимся ему на коленях...

И люди в храме видели, как пятеро детей с матерью опустились на колени перед храмовой иконой Святителя Николая Чудотворца – они лишь плакали и крестились, не в силах произнести даже слов молитвы. И добрым светом озарялся лик святого...

Вот так и ходит Николай Чудотворец по русским дорогам то странником, то Дедом Морозом, а то добрым Старичком с ношей за плечами. И тем, кто с верой просит помощи, – тому помогает, но, знамо дело, не всем является воочию. А является он всякий раз по-разному и одет бывает по-разному, чтобы его не узнавали. Да только свет от него завсегда приметен, и то верно – видят не все.

Вот и быличке конец. А кто слушал – молодец.

Злой Мальчик

